

ДИСКУССИЯ

Почему у книги Д. Л. Эверетта такой резонанс?

Владимир Михайлович Алпатов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация. Книга американского исследователя Д. Л. Эверетта вызвала значительный интерес и в США, и в других странах, включая Россию. В ней рассматриваются быт, культура и язык небольшого этноса пираха в Бразилии. Автор отмечает уникальность некоторых явлений пираха, иногда создается впечатление преувеличения особенностей этого языка. Главный объект критики у Д. Л. Эверетта — идеи Н. Хомского. Он считает, что в американской науке полное господство генеративной лингвистики уже в прошлом, а теперь идет обратный процесс — разочарование в ее идеях: говорят, что они стали «слишком расплывчатыми и не поддающимися проверке» и что «языки не так похожи друг на друга, как полагал Хомский». Для Д. Л. Эверетта свойственное Н. Хомскому изучение языка без обращения к культуре неполно. В данной книге отразилась та же тенденция перехода от формальной к функциональной лингвистике, которую мы видим в России. Однако в США она сдерживается влиянием генеративизма.

Контактная информация: Владимир Михайлович Алпатов, v-alpatov@ivran.ru; 125009, Москва, Б. Кисловский пер., 1, Институт языкознания РАН.

Ключевые слова: Эверетт, пираха, генеративная лингвистика, язык, культура, антропология, грамматика

© 2018 Владимир Михайлович Алпатов. Данная статья доступна по лицензии [Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0. всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этой статьи на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с канонами научного цитирования.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2017 г. Принята в печать 14 октября 2017 г.

Книга американского исследователя Д. Л. Эверетта «Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей», изданная в 2008 г., а в 2016 г. появившаяся в русском переводе (Эверетт, 2016)¹, вызвала значительный интерес и в США, и в других странах, включая Россию. Одним из свидетельств этого интереса стал специальный круглый стол, посвященный книге, состоявшийся в феврале 2017 г. в Институте языкознания РАН.

Д. Л. Эверетт рассматривает быт, культуру и язык небольшого этноса пираха в амазонских джунглях (Бразилия). Я буду говорить лишь о лингвистической части книги с позиции историка языкознания.

Почему книга Эверетта вызвала значительный резонанс? Чтобы разобраться в этом, нужно рассмотреть некоторые общие вопросы истории науки о языке.

В этой науке (разумеется, не только в ней) происходят два процесса: открытие новых фактов за счет введения в оборот ранее не изученных языков и за счет более тщательного изучения уже известных языков и создания объяснительных теорий; см. об этом (Бенвенист, 1958/1974). Исследование фактов основано на индукции, создание теорий — на дедукции. При этом постоянно происходят некоторые колебания

между хаосом и упорядочением: открытие фактов увеличивает хаос, теории производят упорядочение.

Два примера, которые я уже приводил в статье «Что и как изучает языкознание?» (Алпатов, 2015). В европейской традиции издавна сложилось некоторое представление о звуках языка, но появление экспериментальной фонетики показало, что звуковых различий объективно больше, чем это замечают носители языка; увеличился хаос. Выходом стало создание фонологии, которая произвела упорядочение. Концепция членов предложения сложилась на материале индоевропейских языков, для которых характерно согласование сказуемого с подлежащим — и только с ним. Расширение круга изучаемых языков поставило под сомнение традиционную концепцию в ее пункте, казавшемся главным, — в понятии подлежащего. Хаос временно увеличился. Тогда появились новые объяснения (например, Л. Теньера (1959/1988)), которые произвели упорядочение.

В истории языкознания чередуются периоды сбора фактов и построения теории. Компаративисты после А. Шлейхера сосредоточились на самостоятельном собирании фактов, игнорируя развитие теории. Потом структуралисты ввели многочисленные накопившиеся факты в рамки дедуктивных теорий; эту деятельность ученые традиционного склада оценивали как

¹ Далее ссылки на русское издание даются в тексте с указанием лишь номеров страниц.

«слабосилие», нежелание заниматься кропотливым анализом конкретного материала. Однако и дескриптивисты после Л. Блумфилда почти целиком ушли в изучение фактов. Как пишет Эверетт, «до Хомского американский лингвист был почти что обязан провести один-два года среди носителей индейского языка и написать его грамматику. В североамериканской лингвистике это было чуть ли не обрядом посвящения» (с. 274). Однако «сам Хомский не занимался полевыми исследованиями и тем не менее, очевидно, обнаружил в языке больше интересного, чем любой полевой исследователь» (там же). Добавлю, что Н. Хомский всегда принципиально сосредоточен на материале английского языка.

Эверетт интересен в том числе и тем, что это — редкий пример лингвиста, совмещающего собирателя фактов и создателя теорий. Еще одним из таких примеров был Э. Сепир, не раз вспоминаемый и высоко оцениваемый в книге. Эверетт подчеркивает, что для него, как и для Сепира, лингвистика — часть антропологии, а не часть психологии, как для Хомского (с. 282).

Книга Эверетта основана на его полевых исследованиях языка пираха. Этот язык теперь входит в ряд знаменитых «экзотических» языков, материал которых широко использовался в теоретической лингвистике. Это австралийский язык аранта, благодаря А. Соммерфельду известный с 1920-х гг., индейский язык США хопи, прославленный Б. Уорфом в 1930-е гг. (Уорф, 1939/1965), язык дирбал (также в Австралии), описанный Р. М. У. Диксоном в 1970-е (Dixon, 1972). Каждый из них сыграл роль в развитии лингвистической теории, однако в связи с ними встал вопрос о достоверности фактов. Перепроверка поставила их под сомнение для аранта и хопи (вымерший вскоре после открытия дирбал, кажется, не успели перепроверить). Не так ли произойдет и с пираха? Однако во всех таких случаях независимо от реальности фактического материала ставятся вопросы, на которые надо уметь отвечать.

Автор книги показывает многочисленные трудности научного и бытового характера, с которыми ему пришлось столкнуться. Среди них первоначальное отсутствие общего языка с информантами и в прямом, и в переносном смысле. Здесь существует методика полевых исследований, разработанная еще дескриптивистами, но, разумеется, сложностей много, и Эверетт пишет: «Все силы, потраченные в тех краях, ушли на борьбу с грамматикой пираха, на попытки разгадать ее» (с. 189). В результате он приходит к выводу: «Объект далек от всего, известного лингвистам» (с. 190).

Какие лингвисты здесь имеются в виду? Как и для большинства его коллег, для Эверетта вся лингвистика — американская наука, иногда с добавлением британской. Один раз упомянута устная консультация немецкого ученого, но ссылок на работы не на английском языке нет. Например, говоря о двойном членении (основополагающая роль которого для языка в книге признается), упомянут лишь «дуализм структуры» Ч. Хоккета (с. 213), хотя переводчик справедливо указывает, что эти идеи восходят к двойному членению А. Мартине (там же). Можно пойти еще дальше: по свидетельству Р. Якобсона, впервые о двойном членении в 1930 г. писал в Ленинграде Д. В. Бубрих (Якобсон 1970/1985).

Что касается уникальности явлений пираха, то Эверетт иногда отмечает сходство отмеченных явлений с другими «экзотическими» языками, иногда нет. Но все же в ряде случаев создается впечатление преувеличения особенности пираха: тоны, бедность именной и богатство глагольной морфологии широко распространены в языках мира. Некоторые свойства пираха вряд ли столь уникальны: ссылаясь на Г. Корбетта, Эверетт полагает, что, исключая пираха, категории числа нет только в некоторых древних языках (с. 210). Но такой категории нет ни в современном китайском языке, ни в айском языке, а в японском языке ее можно обнаружить лишь у подкласса одушевленных существительных. Правда, не всегда обо всем этом можно судить, так как, например, говоря о сложном устройстве глагола пираха, Эверетт представления о нем не дает, только упоминая о существовании категории эвиденциальности. Не до конца ясен и порядок слов.

Теперь попытаюсь выделить те существенные особенности, которые в книге приписаны языку пираха, и определить, в чем его необычность.

Фонетика — можно выделить, прежде всего, две особенности. Во-первых, необычно велико свободное варьирование в сегментной фонологии (с. 195). Во-вторых, «в языке пираха существуют пять... каналов, каждый из которых выполняет уникальную функцию в культуре этого этноса. Таковы свист, мычание, музыкальная речь, выкрики и, наконец, стандартная речь с использованием согласных и гласных» (с. 199). Их Эверетт называет каналами дискурса. Часть из них встречается и в других языках, но все пять каналов зафиксированы только в пираха. Каналы функционально распределены: каждый из них применяется в специфичной для него культурной ситуации. Всеми каналами, по мнению Эверетта, можно передать любую информацию: «как и любой другой подлинный канал коммуникации, мычащая или мурлыкающая речь способна передать абсолютно все, что можно сказать и с использованием согласных и гласных звуков» (с. 200). Последнее утверждение представляется слишком категоричным, а приводимые примеры скорее демонстрируют, что каналы, за исключением «стандартной речи», используются в ситуациях, где передается лишь информация определенного вида.

Лексика — нет числительных (впрочем, Эверетт признает, что пираха могут считать по пальцам), обозначений цвета, кванторов, бедны термины родства, ориентация лишь по направлению к ориентиру — реке, поэтому нет понятий левого и правого (с. 232–233).

Морфология — неясно.

Синтаксис — на этих вопросах Эверетт, исходя из традиций американской лингвистики, останавливается наиболее подробно. Главной особенностью языка пираха он считает то, что там нет придаточных предложений, из чего делается вывод о том, что там нет рекурсии, которая в соответствии с первоначальным определением Хомского понимается как «помещение одной единицы внутрь другой, относящейся к тому же типу» (с. 247). Выделены и другие особенности, скорее свидетельствующие о более простом устройстве синтаксиса пираха по сравнению с моделями Хомского. Нет перемещений. Не может быть двух определений к одному

имени. Нет дизъюнкции. Эверетт даже приходит к выводу о том, что «в грамматике пираха нет синтаксиса» (с. 256), с чем, разумеется, трудно согласиться.

Наконец, нужно сказать об общетеоретических взглядах Эверетта. Он ведет одновременный спор с двумя направлениями в лингвистике, связанными с именами Уорфа и Хомского. Выше их он ставит Сепира, которого называет основателем американской лингвистики (с. 235), что исторически, конечно, неверно, но для Эверетта вся лингвистика США сводится к этим трем именам и именам их последователей. Наука других стран о языке, как упомянуто выше, для него не существует.

Главный объект критики у Эверетта — теория Хомского. Он считает, что в американской науке полное господство генеративной лингвистики уже в прошлом, а теперь идет обратный процесс — разочарование в идеях Хомского: говорят, что генеративная лингвистика «стала слишком расплывчатой и не поддающейся проверке» и что «языки не так похожи друг на друга, как полагал Хомский» (с. 279). С последним он связывает главный пункт расхождений с мэтром. Это вопрос об отношении языка и культуры. Для Эверетта неприемлема традиционная (господствовавшая уже в структурализме) точка зрения, сохраненная у Хомского: они не связаны друг с другом, изучаются раздельно. Однако для Эверетта обращение языка без обращения к культуре неполно.

Связь языка с культурой на разных уровнях выявляется по-разному. В лексике ее существование трудно отрицать, но можно от нее отвлекаться (что в том числе делал и Соссюр). В фонетике же об этом до Эверетта редко вспоминали. Даже самый, пожалуй, активный сторонник ее признания в советской науке 1950–1960-х гг. В.И. Абаев считал, что такую связь необходимо учитывать в семантике и грамматике, но для фонологии приемлем структурный подход, поскольку там господствуют «чистые отношения» (Абаев, 1960/2006). Но Эверетт, пусть где-то, возможно, преувеличивая, демонстрирует, что в пираха «культурно обусловленными могут быть не только значения отдельных слов..., но и сам характер звуков» (с. 217). И это необходимо учитывать. Далее указывается, что Хомский «сознательно игнорировал дискурс и связанные тексты», поскольку это «экстралингвистические конструкции» (с. 261), изучение которых требует обращения к культурным факторам. По той же причине у него, как и в традиционной лингвистике, исследование не выходит за рамки предложения.

По Хомскому, как замечает Эверетт, во всех языках одна грамматика с ограниченным варьированием параметров (с. 239), хотя в реальности все сложнее. Тут вспоминается один из традиционных пунктов критики теории Хомского, который у Эверетта прямо не формулируется: в этой теории под общей грамматикой часто понимается грамматика английского языка. Во всяком случае, она ориентирована на материал языков, по строю отличных от пираха. Поэтому, в частности у Хомского, как считает Эверетт, преувеличено значение рекурсии.

Эверетт также стремится опровергнуть и другие базовые положения теории Хомского, по его мнению, не подтверждаемые данными языка пираха. Не надо

считать грамматику частью генома человека. Грамматика не может быть врожденной. Материал пираха требует теории, которая не рассматривает язык как инстинкт (с. 262).

Автор книги стремится дать культурные объяснения обнаруженным особенностям языка пираха. Отсутствие рекурсии, по его мнению, связано с замкнутостью общества соответствующего народа. Необходимо учитывать принцип непосредственности опыта (говорят лишь о происходящем здесь и сейчас), запрет на абстракции и обобщения (с. 262–263). Такие объяснения вызвали критику, в том числе на круглом столе в Москве. Конечно, подобные рассуждения (которых был не чужд и Уорф) нельзя строго доказать, но трудно и опровергнуть. Переход к лингвокультуроведению в современной лингвистике расширяет круг рассматриваемых проблем ценой резкого снижения степени строгости исследования по сравнению с формальной лингвистикой.

Иное отношение в книге к идеям Уорфа: многое в них принимается, в том числе разграничение так называемого среднеевропейского стандарта и связанных с культурой особенностей языков иных ареалов. Но не принимается первичность зависимости: язык → культура. Эверетт исходит из иной причинности: культура → язык (хотя у Уорфа можно встретить объяснения обоих типов). По Уорфу получается, что пираха не считают, потому что в их языке нет числительных, а реально дело обстоит наоборот (с. 237).

Подводя итог, можно сказать, что в данной книге отразилась та же тенденция перехода от формальной к функциональной лингвистике, которую мы видим в России. Однако в США она сдерживается влиянием генеративизма. Но Эверетт, как мы уже видели, считает это влияние менее значимым, чем раньше. Близики к себе по идеям учеными он считает Р. ванн Валина, для которого «движущей силой грамматики по большей части является именно значение», и У. Крофта, изучающего «принципы когниции» в языках мира (с. 224–225). Назревает ли там смена парадигмы, заметная у нас? Время покажет.

Литература

- Абаев В. И. Статьи по теории и истории языкознания / Под ред. В. М. Алпатова. М.: Наука, 2006.
- Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание? // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21.
- Бенвенист Э. Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. С. 104–114.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Под ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988.
- Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Часть 2. М.: Просвещение, 1965. С. 255–281.
- Эверетт Д. Не спи — кругом змеи. Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016.
- Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 369–420.
- Dixon R. M. W. The Dyrbal language of North Queensland. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. doi:10.1017/cbo9781139084987

discussion

Why Everett's Book Has Such Influence

Vladimir M. Alpatov

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Abstract. American researcher Daniel Everett's book "Don't Sleep, There are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle" provoked considerable interest both in the USA and in other countries including Russia. The author researches the lifestyle, culture and language of a small tribe of people in Brazil, the Pirahã. He notes the uniqueness of some phenomena in the Pirahã language. The main object of Everett's criticism is Noam Chomsky's conception of universal grammar. Everett believes that the predominance of generative linguistics is in the past and that the reverse process — disappointment in Chomsky's ideas — is taking place. It is said that Chomsky's ideas became "too vague and untestable" and that "languages are less alike than Chomsky imagined". According to Everett, the study of languages without any attention to culture (Chomsky's perspective) is imperfect. This book reflects the same trend of a transition from formal to functional linguistics that is very appreciable in Russia. In the USA this tendency has been restrained by the influence of generative linguistics.

Correspondence: Vladimir M. Alpatov, v-alpatov@ivran.ru, Institute of Linguistics RAS, 1 B. Kislovskij per., 125009 Moscow, Russia

Keywords: Daniel Everett, Pirahã, generative linguistics, language, culture, anthropology, grammar

Copyright © 2018. Vladimir M. Alpatov. This is an open-access article distributed under the terms of the [Creative Commons Attribution License \(CC BY\)](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided that the original author is credited and that the original publication in this journal is cited, in accordance with accepted academic practice.

Received March 15, 2017, accepted October 14, 2017.

References

- Abaev, V.I. (2006). *Stat'i po teorii i istorii yazykoznaniya [Papers in theory and history of linguistics]*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2015). Chto i kak izuchaet iazykoznanie [Linguistics: what and how?] *Voprosy Jazykoznaniya (Topics in the study of language)*, 2015(3), 7–21. (In Russian).
- Benveniste, É. (1958). Catégories de pensée et catégories de langue. *Les études philosophiques*, 13(4), 419–429. (In French).
- Dixon, R.M.W. (1972). *The Dyrbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press. [doi:10.1017/cbo9781139084987](https://doi.org/10.1017/cbo9781139084987)
- Everett, D. (2008). *Don't sleep, there are snakes: Life and language in the Amazonian jungle*. London: Profile Books.
- Jakobson, R. (1985). Lingvistika v ee otnoshenii k drugim naukam [Linguistics in relation to other disciplines]. In *Izbrannye raboty [Roman Jakobson. Selected works]* (pp.369–420). Moscow: Progress.
- Tesnière, L. (1959/1988). *Éléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck. (In French).
- Whorf, B.L. (1956). The relation of habitual thought and behavior to language. In J. Carroll (Ed.), *Language, thought and reality, Selected writings of Benjamin Lee Whorf* (pp.134–160). Cambridge, MA: Technology Press of MIT.